

Становление корпоративизма в современной России

Угрозы и возможности

© Фельдман П. Я.

© Feldman P.

Становление корпоративизма в современной России. Угрозы и возможности

The formation of corporatism in modern Russia. Threats and opportunities

Аннотация. Оценены политические угрозы и возможности, сопряженные со становлением корпоративизма в современной России. Эмпирический анализ институциональных механизмов взаимодействия государства, профсоюзов и работодательских объединений свидетельствует об интенсивности данного процесса. Показано, что дальнейшее внедрение корпоративистских принципов целесообразно лишь в сочетании с национально ориентированной экономической политикой, которая зиждется на принципах патриотизма, здорового протекционизма и девелопментализма. Показано, что построение корпоративного государства на либеральной платформе угрожает национальной безопасности и политической стабильности России.

Annotation. The article is devoted to the assessment of political threats and opportunities that are associated with the development of corporatism in modern Russia. Empirical analysis of institutional mechanisms for cooperation between the government, trade unions and employers associations allows the author to assert that this process takes place quite intensively. The further introduction of the corporatist principles can be justified and appropriate only in combination with the nationally oriented economic policy, which is based on the principles of patriotism, healthy protectionism and developmentalism. Building a corporate state on a liberal platform is evaluated as a threat for national security and political stability of Russia.

Ключевые слова. Корпоративизм, государство, профсоюзы, российская политика, политическое согласование интересов.

Key words. Corporatism, state, trade unions, Russian policy, political alignment of interests.

Вот уже два десятилетия проблема взаимодействия государства и общества остается одним из краеугольных камней российского политологического дискурса. Она приобрела чрезвычайную актуальность, поскольку в условиях глобальной неопределенности и конфронтации ведущих мировых держав особенно остро ощущается потребность в сохранении внутренней социально-политической стабильности.

Залог устойчивого воспроизводства политической системы современной России — поддержание баланса национально-государственных, частных, общественных и корпоративных интересов. Соответственно, необходимы политические институты, обеспечивающие артикуляцию, координацию и интеграцию разрозненных, а зачастую и антагонисти-

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич — доцент кафедры философии и социологии ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Москва), кандидат политических наук.

ческих притязаний социальных общностей. Особого внимания заслуживает гармонизация отношений между государством и конкурирующими группами давления, претендующими на одни и те же ресурсы. В числе таковых прежде всего следует выделить два ключевых субъекта общественно-производственных отношений: условные работодатели (бизнес) и наемные работники.

Реализуемая в современной России политика согласования интересов труда и капитала приобретает все более явные корпоративистские черты, — и возникает потребность в объективной оценке угроз и возможностей, сопряженных с данным процессом.

1

Для неолиберального подхода, доминирующего в западной политической мысли, корпоративизм — архаичный и глубоко противный демократическим идеалам способ принудительного упорядочения отношений между заинтересованными группами посредством грубого вмешательства государства в их внутреннюю жизнь. Нередко этот термин ставится европейскими и американскими авторами в один синонимический ряд с такими понятиями, как авторитаризм, тоталитаризм, клиентелизм и фашизм. А. Каусен, А. Лейпхарт и Ф. Шмиттер, одними из первых приступившие к изучению корпоративизма, ассоциируют с ним монополизацию системы политического представительства интересов подконтрольными государству общественными институтами, которые наделяются привилегированным положением в обмен на лояльность к власти [8; 2; 6]. Недостатком такой системы, по мнению О. Ф. Шаброва, является «сращивание государства с наиболее влиятельными в экономическом отношении корпорациями» [5. С. 226]. Антиподом корпоративизма выступает плюрализм, концептуальный контур которого был сформирован Г. Ласки, Е. Летхемом, Л. Милбрахом, Д. Силлом и др. [10; 9; 11; 12]. Плюралистическая модель согласования интересов предполагает многообразие иерархически не упорядоченных и равноудаленных от государства артикуляторов общественных интересов, погруженных в открытую и конкурентную политическую среду. Роль государства в регулировании институтов электорального и функционального представительства сводится к минимуму.

Осуждающая тональность большинства работ, посвященных корпоративизму, вызвана негативными историческими реминисценциями. Олицетворением корпоративного государства для многих исследователей служит фашистская Италия времен Б. Муссолини, где перед началом Второй мировой войны ключевыми субъектами политического согласования интересов стали подконтрольные государству рабочие и предпринимательские синдикаты. Внедрение подобной системы привело к преобразованию парламента в «палату фаший и корпораций», 650 членом которой назначались диктатором.

Действительно, авторитарные и тоталитарные режимы, как правило, устанавливают партийный протекторат над наиболее крупны-

ми профсоюзами и ассоциациями предпринимателей. Корпоративное государство такого типа ориентируется на модель политического представительства интересов, при которой исключительное право на взаимодействие с государством от имени всех наемных работников и всех работодателей страны закрепляется за двумя организациями-монополистами: одним национальным профцентром и одним привилегированным союзом предпринимателей. Прочие — как правило, мелкие и оппозиционные — группы интересов вытесняются на задворки политической системы либо уничтожаются. В первой половине XX в. на корпоративистскую стезю встали фашистская Германия, Испания генерала Франко, Португалия во главе с президентом Салазаром и др. Похожая модель взаимодействия власти, тред-юнионов и собственников капитала была воплощена Ж. Варгасом в Бразилии и Х. Пероном в Аргентине. Сегодня к построению классической модели корпоративного государства приблизились Китай и Вьетнам, где предельно централизованные объединения наемных работников и работодателей выступают аффилиатами коммунистических партий.

2

Однако корпоративизм далеко не всегда сопряжен с политическим насилием и репрессиями, а предпосылки для его формирования заложены в самой природе общественных отношений. На границе между политической и социальной системами разворачивается острая межгрупповая конкуренция за право выражать интересы широких социальных общностей. В ней выживают наиболее крупные и высокоорганизованные субъекты, что ведет к формированию монополий, которые продолжают расширять свою ресурсную базу за счет поглощения менее крупных и влиятельных организаций.

Вполне закономерно, что государство предпочитает вести диалог с наиболее массовыми и репрезентативными гражданскими ассоциациями. Более того, чрезмерное многообразие и организационная раздробленность общественных институтов ведут к экономическому и политическому ослаблению последних. Даже в развитых странах Запада, демонстрирующих твердую приверженность идеалам политического плюрализма и либерализма, как правило, наличествуют «зонтичные» профцентры, которые берут на себя ответственность выступать от имени всей совокупности наемных работников. В Германии подобные функции выполняет «Объединение немецких профсоюзов» (Deutscher Gewerkschaftsbund), в Великобритании — «Национальный конгресс тред-юнионов» (Trades Union Congress), в США — «Американская федерация труда» (American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations) и т. д.

Абстрагируясь от идеологической составляющей и неприятных исторических ассоциаций, целесообразно ответить на вопрос: какие угрозы для государства и общества несет в себе корпоративизм? В-первых, монополизация институтов политического представительства

интересов наиболее крупными профсоюзами и предпринимательскими ассоциациями может привести к тому, что обоснованные требования миноритарных субъектов не будут услышаны государством. Во-вторых, реализация подобной модели на практике зачастую ведет к утрате политического и экономического суверенитета институтов гражданского общества, а также установлению патрон-клиентских отношений между организациями-монополистами и органами государственной власти. В-третьих, «чрезмерно лояльные» тред-юнионы и предпринимательские объединения, как правило, утрачивают связь с социальной периферией и теряют способность адекватно артикулировать и репрезентативно выражать интересы рядовых представителей соответствующих групп. Как отмечает Р. Михельс, подобные организации олигархического типа служат удовлетворению меркантильных потребностей своей управленческой элиты и бюрократического аппарата [3]. Административный патронаж со стороны власти позволяет подобным структурам сохранять политическое влияние и финансовую устойчивость вне зависимости от уровня их реальной общественной поддержки.

В результате повышается вероятность того, что опосредованное взаимодействие работников и работодателей (а также других заинтересованных групп) может быть сведено к антисоциальным корпоративным сговорам между их номинальными репрезентантами. В связи с этим ключевым принципом эффективной политики согласования интересов выступает обеспечение максимального уровня легитимности институтов корпоративизма. Достижение подлинного межгруппового консенсуса между организованным трудом и капиталом не представляется возможным при отсутствии у профсоюзов и предпринимательских объединений социальной базы и демократического мандата, выданного рядовыми членами соответствующих групп. Однако следует понимать, что корпоративизм — это не идеология, а лишь способ реализации власти, при котором максимальная управляемость политической системы достигается центром (государством) посредством ограничения плюрализма ее институтов.

При определенных условиях корпоративизм способен обеспечить ускоренную модернизацию экономики, широкую общественную кооперацию и консолидацию антагонистических групп на почве единства общенациональных приоритетов развития. Это справедливо в первую очередь по отношению к развивающимся странам, которые идут по пути неодевелопментализма и строят экспортно ориентированную модель экономики. В рамках данной модели государство выступает главным катализатором и драйвером общественно-производственного процесса за счет целевой поддержки стратегически важных отраслей, реализации протекционистских мер и финансирования масштабных инфраструктурных проектов.

Соответствующая политика в полной мере отвечает национальным интересам, запросам работодателей и потребностям людей труда: благодаря ей собственники капитала наращивают темпы производства, а наемные работники получают гарантии устойчивой занятости и бо-

лее высокое вознаграждение. Именно корпоративизм в середине XX в. позволил провести масштабную индустриализацию в таких традиционно аграрных странах, как Бразилия, Аргентина, Индия и Китай. С данным феноменом также можно связывать «южнокорейское экономическое чудо», подъем экономики ЮАР, послевоенное восстановление Западной Германии и т. д.

Таким образом, корпоративизм — оптимальный политический инструмент мобилизации государственных и общественных ресурсов. Однако он эффективен, лишь когда у власти пребывает национально ориентированная элита, способная четко определять и внятно формулировать стратегические цели общественного развития.

Корпоративизм — оптимальный политический инструмент мобилизации государственных и общественных ресурсов. Однако он эффективен, лишь когда у власти пребывает национально ориентированная элита, способная четко определять и внятно формулировать стратегические цели общественного развития.

Бездумный отказ от принципов корпоративизма, протекционизма и девелопментализма может загнать развивающиеся страны в либеральный тупик, единственным выходом из которого станет социальная революция. Данный тезис подтверждается тем, что переход власти от социал-консерваторов к неолибералам, не так давно состоявшийся в Аргентине и Бразилии, спровоцировал рост антиправительственных настроений не только в профсоюзной среде, но и у представителей национального бизнеса.

3

Для российского политологического дискурса характерно дуалистическое восприятие корпоративизма. В проникнутых духом либерального идеализма трудах середины 1990-х — первой половины 2000-х гг. он интерпретируется в традиционной западной парадигме — оценивается как угроза для неокрепшей демократии. Однако в более поздних работах предпринимаются попытки объективного и взвешенного политологического анализа корпоративистской модели согласования интересов государства и общества [1; 5]. Многие сходятся в том, что данная модель уже реализована в России.

Справедливость этого подтверждается целым рядом обстоятельств. Традиционная инертность гражданского общества и неразвитость

демократических практик вынуждают государство прибегать к инженерному подходу при упорядочении институтов функционального представительства интересов. По мере созревания политической системы России выкристаллизовываются крупные организации-монополисты, наделенные привилегированным правом на осуществление общественной экспертизы и ведение правозащитной деятельности от имени тех или иных социетальных групп (например, «Опора России», «Деловая Россия», «Союз женщин России», «Российский союз молодежи» и т. д.). Как правило, данные организации объединяются на платформе Общероссийского народного фронта (ОНФ), демонстрируя явные политические предпочтения. Государство, в свою очередь, оказывает им информационную, административную, финансовую и иную поддержку.

Наиболее характерные корпоративистские принципы воплощает в себе отечественная модель трипартизма, ориентированная на консенсус между государством, наемными работниками и собственниками капитала. В рамках Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (РТК) на паритетных началах согласуются интересы правительства, профсоюзов и предпринимательских ассоциаций. Из 30 организаций, представляющих в РТК профсоюзы, 26 относятся к Федерации независимых профсоюзов России, которая входит в состав Общероссийского народного фронта и придерживается пропрезидентской позиции. Со стороны работодателей отмечается аналогичная картина: здесь представлено 25 ассоциативных членов ОНФ, подавляющее большинство которых принадлежит к Российскому союзу промышленников и предпринимателей. Следовательно, РТК может быть охарактеризована как типичный институт корпоративизма. Она служит платформой для представительства интересов лишь наиболее крупных и политически лояльных отраслевых монополистов со стороны как профсоюзов, так и работодателей. Но решения, принимаемые в рамках РТК, распространяются на всех собственников капитала и наемных работников.

Российская система трипартизма уязвима прежде всего с точки зрения общественной легитимации принимаемых на ее платформе решений. По данным Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук РАНХиГС, лишь 15,9% трудящихся заявляют, что состоят в профсоюзах [7]. Вероятно, реальный охват наемных работников профсоюзами несколько выше (официальных данных на этот счет в открытом доступе не имеется), но с 1991 г. он неуклонно снижается. Аналогичные тенденции отмечаются практически во всех развитых и развивающихся странах. Таким образом, неизбежен вопрос, репрезентативны ли современные российские профцентры по отношению ко всей разнородной массе наемных работников. Если это не так, то официальные органы трипартизма — лишь симулякры институтов политического согласования интересов. Как следствие, возникает угроза накопления конфликтного потенциала, который может вылиться в открытое противостояние между государством, трудом и капиталом.

Принимая во внимание описанные недостатки модели корпоративизма, следует признать, что ее основополагающие принципы глубоко укоренены в политической культуре России, которой присущи повышенная роль государства в системе общественных отношений, прева-лирование кооперации над конкуренцией, чужеродность плюрализма и многоукладности, а также неприятие либеральной идеологии подавляющим большинством граждан. Как справедливо отмечает В. Н. Никонов, «государственность в России — это не механизм управления», а «гарант целостности существования общества, устроитель жизни, в том числе экономической» [4. С. 908]. На протяжении всей российской истории власть выступала в качестве главного катализатора развития граждан-ского общества и зачастую сама создавала институты функционального представительства интересов. Так, по личной инициативе Петра I были учреждены купеческие гильдии, которые Екатерина II наделила правом «на один месяц зимою в Москву для совета съезжаться» и обращаться в Коммерц-коллегию, «когда о каких-либо важных делах указа требовать надлежит» [13]. На современном этапе для налаживания обратной связи с социальной периферией власти приходится прямо или опосредован-но поддерживать институты гражданского общества, отвечающие за арти-куляцию интересов россиян. Соответственно, многие представитель-ские институты выстраиваются «сверху вниз», а не наоборот.

Еще одна особенность российской модели взаимодействия государ-ства и общества заключается в том, что она никогда не имела под собой подлинно состязательной основы. Во многом это связано с историче-ски неизбежной необходимостью бороться за выживание в тяжелых климатических и природных условиях, осложненных постоянной опас-ностью внешней агрессии. Если на Западе экономическая и политиче-ская конкуренция стимулирует общественное развитие, то в России она всегда воспринималась как фактор социального раскола и угроза для всеобщего блага. Осознанием этого факта объясняется парадоксальное на первый взгляд стремление антагонистических акторов к кооперации и консолидации (наблюдаемое на примере крупнейших отечествен-ных профсоюзов и предпринимательских ассоциаций). Таким образом, в нашей стране существуют исторические, социально-психологические и духовно-культурные предпосылки для формирования политического корпоративизма. Мы полагаем, что для современной России это несет как угрозы, так и возможности.

Беспрецедентные внешнеполитические вызовы (обострение отно-шений с западными державами, расширение НАТО на Восток, череда «цветных революций» на постсоветском пространстве, террористиче-ская опасность с Юга) требуют мобилизации и консолидации россий-ского общества. Симметричный и своевременный ответ на указанные вызовы может дать лишь сильное государство-корпорация, где власть, бизнес и наемные работники объединены общим стремлением к обез-печению суверенитета, безопасности и социально-экономического

развития России. Общественный запрос на политику корпоративизма актуализируется в условиях текущего экономического кризиса, когда особенно остро ощущается потребность в государственном интервенционизме, протекционизме и «ручном управлении» рядом отраслей.

Реализуя соответствующие меры, власть может заручиться поддержкой крупных предпринимательских ассоциаций и массовых профсоюзов традиционного типа. Однако либеральный правительственный курс нивелирует все достоинства современного российского корпоративизма, превращая его сильные качества в слабости и недостатки. Зависимое положение и политическая лояльность ряда «институтов гражданского общества» используются для легитимации антисоциальных реформ, массовых сокращений на производстве, бюрократизма, попустительства и растрат. Поэтому дальнейшее внедрение корпоративистских принципов в России целесообразно лишь в сочетании с национально ориентированной экономической политикой, которая зиждется на принципах патриотизма, здорового протекционизма и девелопментализма. Попытки же выстроить корпоративное государство на либеральной платформе — угроза для национальной безопасности и политической стабильности России.

Литература

1. **Ветренко И. А., Седашев Е. А.** Интерес как фактор устойчивости в системах корпоративистского и плюралистического взаимодействия // Вестник Омского государственного университета. 2011. № 3.
2. **Лейпхарт А.** Демократия в многосоставных обществах : сравнительное исследование. М., 1997.
3. **Михельс Р.** Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли. М. : Мысль, 1997. Т. II.
4. **Никонов В. А.** Российская матрица. М. : Русское слово — учебник, 2014.
5. Официальный сайт Торгово-промышленной палаты РФ. — <http://www.tpprf.ru/ru/> (дата обращения: 20.11.2017).
6. **Шабров О. Ф.** Корпоративизм в отношениях государства и бизнеса // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия / Материалы Международной научно-практической конференции. М. : Знание, 2007.
7. **Шмиттер Ф.** Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2.
8. **Юдина П.** Все больше работников готово к открытым конфликтам с работодателем. — <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/11/09/741042-konfliktam-s-rabotodatelem> (дата обращения: 20.11.2017).
9. **Cowson A.** Corporatism and Political Theory. N. Y. : Harper & Brothers, 1986.
10. **Laski H.** Liberty in the modern state. N. Y. : Harper & Brothers, 1930.
11. **Latham E.** The Group Basis of Politics: Notes for a Theory // American Political Science Review. 1992. № 46.
12. **Milbrath L. W.** The Washington lobbyists. Westport (CT) : Greenwood Press, 1976.
13. **Sills D.** Voluntary Association. N. Y. : Free Press, 1968. ◆